

© 1999 г. В.Н. ШАПОШНИКОВ

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА К КОНЦУ XX СТОЛЕТИЯ

Известно, что структура и членение национального языка не являются неизменными. Изменяется его материальный состав в целом. Меняется место, статус и роль литературного языка. И положение того, что довольно давно (но не изначально) русская филология называет диалектом, к настоящему времени изменилось. По этому поводу стали чаще встречаться констатации ученых: "...по мнению многих лингвистов, диалекты находятся на пороге исчезновения" [Мокиенко 1997: 181]. Подобные мнения, исходящие и из собственной среды диалектологов, и из близких к ним научных кругов, примечательны и характеристичны. Но такие мнения нуждаются и в определенных уточнениях. Уточнения должен давать в первую очередь сам фактический материал, имеющий место в языковой и культурной действительности. Такие постановки вопроса побуждают к тем или иным уточнениям в области диалектологии, а с нею в области философии языка: о предмете и объекте диалектологии, о том, что именно в совокупности и системе языкового материала она изучала и изучает, какова системная, структурная и функциональная природа диалекта, какова функциональная организация его составляющих частей etc. Принципиальные ответы на подобные вопросы, во многом – удел и прерогатива как практических диалектологов, занимавшихся конкретными говорами, так и задача специалистов по истории и теории литературного языка, по общему языкознанию.

Диалект в своей сущности и в своем положении изменился и продолжает меняться. Изменения положения диалекта, который здесь удобнее назвать и региолектом, на фоне классических и идеальных научных представлений¹, сводятся к нескольким основным моментам. К настоящему времени (русский) диалект перестал быть тем, что ему – более имплицитно, чем эксплицитно, но традиционно вменялось; он перестал быть: бесписьменным, территориально по-прежнему замкнутым и локальным либо локализованным, а также социально-демографически замкнутым. Диалект перестал быть реализуемым в неграмотной или весьма малограмотной среде. Он перестал быть реализуемым населением исключительно сельского, аграрного образа жизни, равно как он перестал быть реализуемым людьми в единственной социолингвистической и лингвокультурной роли. Одним словом, "русская деревня" изменилась и, что также важно лингвистически, весьма изменилась в последней четверти двадцатого века. Изменился культурный и языковой портрет села. Этот портрет изменился как под воздействием волн урбанизации и других внешних деформирующих факторов, так и в силу собственной логики жизни.

В настоящее время следует говорить о степени и степенях сохранности диалекта, а также о внутренних степенях его функциональности. Точки отсчета содержатся в тех исследованиях, которые включили наиболее целостно зафиксированную языковую практику: В.И. Даля, Н.М. Каринского, А.М. Селищева, других ученых. В этой связи

¹ Некоторые современные лингвисты, не удовлетворяясь по ряду причин термином "диалект", начинают считать более корректным термин "областное просторечие".

уместно отдать себе отчет в том, что тот же В.И. Даль изучал и фиксировал живой русский язык, то есть имевший место как реальное и целостное средство общения России; в его Словаре находятся как слова типа *замолаживать* или *ухват*, так и *акциз*, *рефлектор*, *социализм* и т.п. В этой же связи уместно припомнить идеологию исследования и методику собирания материала у прогрессивных отечественных лингвистов. Так, в 1920 – в начале 30-х годов Н.М. Каринский подходил к местному языку весьма конкретно. Ученый видел в нем именно действующий механизм, его объективное нетривиальное устройство, видел в местном языке разные социальные подсистемы и выделял в нем "архаичный говор" и прочие функционирующие части. В этом состоит его описание деревни Ванилово – добротный опыт всестороннего социолингвистического описания жизни говора на протяжении не одного десятка лет, языкового функционирования в разных социальных группах, его бытования в условиях различных общественных формаций [Каринский 1936]. При сборе материала Каринский предусматривал в диалектологических программах вопросы типа: "Не отличается ли в вашем селении речь молодых от речи стариков, и чем, по вашему мнению, можно объяснить это отличие? Не говорят ли молодые ближе к городскому говору? Не говорят ли в вашем селении все вообще близко к городскому говору?" [Каринский 1925: 8]. В подобных установках обнаруживается нацеленность на реальное языковое существование, на все его потоки, как арьергардные, так и новационные.

В дальнейшем этот подход не был удержан нашей полевой лингвистикой (в том числе учениками и сотрудниками Н.М. Каринского). Причиной тому были и объективные обстоятельства и общественные процессы. Диалектология по преимуществу занималась старыми пластами в сельских говорах, что также составляет большую и необходимую задачу.

Ныне, говоря о реальной языковой действительности, приходится видеть в региолекте разные лингвокультурные традиции. Если иметь в виду сугубо архаический языковой и речевой материал, то сейчас мы можем говорить о несколько большей сохранности русского говора в речи старых возрастных групп. Хотя в современных решениях вопроса о судьбе диалектов наука высказывает разнообразные мнения, в определенном отношении они мало противоречат друг другу – даже будучи основаны на материале разных языков. Исследователь немецкого диалекта приходит к выводу: "Носители диалекта принадлежат к относительно гомогенному аграрному обществу. За последние годы все яснее наблюдается переход к использованию современного литературного немецкого языка..." [Пириайнен 1997: 92]. Е. Пириайнен отмечает также, что на современном этапе компонентными носителями оказались лишь люди 70–90 лет, при этом он имеет в виду только фразеологический состав диалекта, а это одна из самых консервативных частей языка. Другой материал местного языка для оценок не привлекался. Эти его секторы живут и более сложной жизнью, сообщая языковым процессам новую динамику – в новых условиях.

Применительно к русскому языку Л.Э. Калнынь (заостряя внимание на отечественной истории последних десятилетий) выдвигает тезис: "Устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстает как бесспорный факт при изучении речевого поведения населения сел, сохранивших нормальную генерационную структуру. Лексика в диалектах более динамична..." [Калнынь 1997: 121]. Следовательно, и с этой точки зрения, при акцентировании внимания на участках большей диалектной сохранности, в общем и целом видится новое состояние региолекта.

В речи нестарых, и тем более молодых возрастных групп, мы можем видеть немалые трансформации говоров, в том числе, нивелирование, унифицирование коммуникативной действительности по целому ряду параметров. Это происходит в лексике, в фонетике, произношении и грамматике. Так, уже давно не оказывают на родине М. Горького и перестают оказывать в губернских ее окрестностях, перестают оказывать на Владимирщине и в других местах. При этом есть зоны с разной фонетической инерцией, на что указывает Л.Э. Калнынь [Калнынь 1997]. Обратившись к морфологии для одного конкретного примера, укажем поведение существительных мужского рода,

оканчивающихся во мн. числе им. пад. на *-а/-я* либо на *-ы/-и*: динамика процесса такова, что на современном этапе какой-либо региолект не содержит существенных и больших отличий от общенациональной экспоненты склонения (ср. [Шапошников 1997]). Другой конкретный пример морфологии – сокращение использования усеченных падежных форм (ранее в Поволжском ареале: *рукам* "руками"); в речи интеллигенции это явление полностью устранилось, устраняется и в речи других групп населения. Примеров подобных изменений можно привести достаточно большое множество из самых разных ареалов. Изменение регионально-языковых практик происходит и по предметно-вещным причинам: исчезают предметы и черты старого быта, уклада, а с ними слова. Устранение слов происходит и по другим причинам, ср. исчезновение из употребления грибного термина *губы* (в том же ареале и других местах).

С другой стороны, к тенденциям изменения говоров относится то, что местный говор стал не совсем однородным: в нем существует речь интеллигенции, речь менее образованных слоев; в самое последнее время эта картина еще более усложнилась.

При всем подобном, утверждение только лишь об исчезновении диалектов, только о нивелировании языкового развития путем неуклонного прихода к некоей одномерной планке, само по себе не всегда основательно упрощает дело. Процесс не одномерен и не однолинеен. Даже предметное нивелирование лексикона не однонаправленно. Так, при нынешнем разбалансировании жизни России среди различных процессов происходит некоторый хозяйственно-бытовой откат. В соответствии с ним, например, активизируется часть устаревшей лексики домашнего и прочего обихода.

Картина национального языка оказывается более сложной, когда мы переходим от инвентаризации лишь элементов материала, от фиксации их наличия/отсутствия к досмотру и выявлению процессов, тенденций языкового развития. Возьмем известный вопрос об аналитизме в русском языке, достаточно спорный и противоречиво решаемый учеными². Один из его конкретных сюжетов – окончания косвенных падежей у географических названий на *-о*: *из Комарова* или *из Комарово*? Научная потребность состоит именно в неабстрактном освещении как данного морфологического вопроса, так и всей проблемы русского аналитизма и др. Учитывая весь материал в его живом многообразии, можно сказать, что на новейшем этапе имеет место новая диалектальность. В том смысле, что картина реализации фактов, и обсуждаемого морфологического факта в частности, неоднородная. Предшествующее описание несклоняемости и анализ ее причин был сделан в солидной работе [Русск. яз. 1968], однако мало-возможно полностью предугадать будущее. Несклоняемое употребление существительных среднего рода ныне имеет место. Но не празден вопрос: где, когда, при каких условиях? Отвечая на него, надо отметить, что сферу несклоняемости и ее основу составляет прежде всего книжная речь, но не в первую очередь речь бытовая, обыденная. С другой стороны, продолжая ответ, приходится стратифицировать речевую практику и выделить в ней столичную и прочую "центровую" прессу – газеты, журналы, радио и телевидение, часть беллетристики. Это словоупотребление так или иначе, в той или иной степени отдалено от именуемых объектов. Чем ближе к живой жизни имеет отношение объект, тем вероятнее его именование в изменяемой форме. На этой почве возникают маленькие речевые казусы. На центральном вещании представляют слово собственному корреспонденту *из Иванова*, а тот следом в репортаже говорит: *в Иванове, из Иванова*. Или, в противовес морфологии широко известного мультфильма "Каникулы в Простоквашино" существует в действительности по крайней мере один такой топоним, и его реальное употребление другое. Вот речевая манера окрест Таганрога: *Сниму квартиру в районе Простоквашина* – объявление в местной газете. Отмечаемая зависимость проявляется и в том, что даже носители абстрактной номинации, попадая в конкретное топонимическое пространство и вступая с ним в более тесные жизненные отношения, становятся более склонными к морфологической неизменяемости соответствующего топонима. (Есть некоторые другие фак-

² См. [Бархударова 1995].

торы данного словоупотребления, но их мы, как менее относящиеся к основной теме, здесь не освещаем.) В названных и подобных случаях различия касаются и других уровней языка как средства публичного общения.

Местная пресса, при очевидных нормализаторских и унифицирующих установках, создает невольно некий новый речекультурный эффект – со своей стороны, диалектного воздействия на жителей местности. Если это не всегда воздействие, то взаимодействие с диалектальностью. Создается новая подсфера жизни местного языка. Она формируется на разных уровнях. Эту маргинальную подсферу формируют как большие или меньшие особенности речи работников местного вещания, так и, в более очевидной степени, речь персонажей и гостей местного вещания [Шапошников 1996]. Сказанное касается фонетики, грамматики, лексики, и примеров тому можно привести много. Это происходит как по общим причинам языковой интерференции, так и, в случае лексики, по денотативным предметным причинам. Например, старинные слова *лавы* 'легкий сезонный мост через реку', *мытилка* 'род плота для полоскания белья в реке', постоянны в письменной и электронной прессе г. Шуи (бывшая Владимирская губ.), так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта; подобные слова являются устойчивыми компонентами языкового сознания.

* * *

Наряду с тем, что деревня и глубинка (в сложившемся словоупотреблении это не всегда одно и то же) становятся "менее диалектными" по содержанию архаичного материала, и менее однородными по сравнению с собственным историческим прошлым, в известной мере стал диалектным город³. Имеется в виду большой город. Городская связь с диалектами проявляется по крайней мере на двух уровнях. Это элементная, системная, наличествующая характеристика – по наличию и фактам бытования диалектизмов в речи города. В качестве близкого примера можно назвать разновидности произношения в речевом пространстве современной Москвы. Так, в речи пожилого москвича встречаем слово *знойко*, то есть 'холодно' в осенней квартире. И так далее, и тому подобное. С другой стороны, присутствует перцептивная, психолингвистическая диалектальность – по потенции, по готовности, по способности воспринять и понять диалектные явления (ср. известное разграничение активной и пассивной грамматик). Очень мало в городе существует слоев населения, которые не причастны хотя бы к одному из уровней диалектальности на современном этапе (и есть ли они?). Отмечаемое касается как "регионов", "провинциальных" российских городов, так и столицы. Такая конвергенция навязывается и возникшим современным хозяйственным и житейским ритмом "рядового" россиянина: городской житель огородничает в полях и лесах, "делает бизнес", равным образом и сельский житель "делает бизнес" и проч.

Следует заметить еще один немаловажный факт. Языковая ситуация страны, ее лингвистическая карта, складываясь из деревни и города – где под последним по сложившейся традиции разумеется большой город – содержит еще один существенный компонент. Это малый город, маленький город, поселок (если угодно, "городского типа"). Языковое пространство современной России в значительной степени определяется жизнью и спецификой малых городов. Эта лингвокультура имеет свои особенности, где-то совпадая либо отличаясь от языкового существования большого города и деревни. Она еще мало изучена (подобные исследования ведутся на базе Шуйского педагогического университета). Речевая практика малого города является своего рода "плацдармом" и "мельницей" диалектного материала. Этот тип регионального функционирования языка также представляет процессы трансформации местного материала; имеется в виду речь интеллигенции и других социальных слоев.

³ Как менее относящиеся к теме, здесь не освещаются причины данного явления. О них см. [Шапошников 1998].

В целом, следует отметить реальное существование и сосуществование разновидностей национального языка на современном этапе. С этой стороны, сейчас вообще с изрядным сомнением можно констатировать наличие социальных и культурных групп, владеющих только литературным языком и безальтернативно пользующихся им⁴. Здесь и факторы вкусов языковой эпохи. Не вдаваясь специально в эту проблему литературного языка, отметим только одно расхожее явление современности – общественную склонность и большое разившееся желание – вернуть то или иное слово, словечко, оборотец в публичные и подобные, некогда осененные чистой литературностью сферы.

Подобные качества вообще весьма присущи современной – не “региональной” прессе. В частности, они присущи печатной разновидности прессы. Это опять же означает сдвиг места, роли и статуса диалекта и диалектизма. В общей связи, в том числе под настоящим углом зрения, следует воспринимать сентенции крупного чиновника отечественных масс-медиа (М.Ф. Ненашева): «Сегодня больше нет центральной печати. Может быть, в какой-то степени могут претендовать на некоторую “центральность” “Аргументы и факты”, которые еще печатаются где-то в регионах. Может быть, немножко – “Труд”, и, пожалуй, все. Даже “Комсомольская правда” уже не центральная газета. В двадцать раз сократился тираж “Известий”...» (Новая газ. 7 мая 1997). Не занимаясь административным ранжированием прессы, с лингвистической точки зрения, мы отчасти найдем в московских газетах и журналах следы и элементы территориально обусловленной речи – в различных терминах, это диалектная речь, просторечие, областное просторечие; часто эти элементы фигурируют без пояснений.

Еще более сильна связь с диалектными материалами и, соответственно, эффект обратной диалектальной связи в электронной прессе (см. [Шапошников 1996]). В речи работников центрального радио и телевидения заметны особенности редукции звуков и интонации, нередко весьма отличающиеся от эталонов кодифицирования – специфические растягивания и усиления слогов и слов во фразе и под. Есть отличия в качестве звуков и фонем. Отметим например, что слишком сильное иканье, присутствующее сейчас (хотя и не безраздельно) в центральном эфире, весьма авторитетная Грамматика–1954 трактовала как сугубо нелитературное, диалектное, местное явление⁵. Еще более явна диалектальность произносительных элементов типа *угольщик'ими*, *К'эргизия* (Радио “Маяк” 24.4.98, 7.05 мин.). Если первый пример относится к числу оговорок (но они периодически встречаются на нынешнем вещании), то второй случай более регулярен и вкупе с подобными обнаруживает иную вокалическую систему. Таким образом, подобное присутствие диалектного материала еще более меняет его статус и реноме.

Здесь же следует уточнить распространенное мнение о том, что при внедрении литературного языка в среду диалектоносителей одну из главных ролей играют

⁴ Наблюдения современных славистов: “Престиж литературного чешского языка, если ориентироваться на его субъективную оценку, ныне значительно снижен, что обусловлено социальной дифференциацией пользователей языка, их образованием и т.п... Меняется сам статус литературного чешского языка, а вместе с ним и форма и способ функционирования социального контроля (т.е. реакции адресатов, воспринимающих письменные или же устные языковые тексты). Нельзя не учитывать, что при общем возрастании количества пользователей национального языка, активно владеющих литературным чешским языком, в их числе немало тех, кто одновременно использует по крайней мере еще один набор нелитературных средств.

Снижается авторитарность кодификации... В какой-то мере происходит снижение значимости, общественного веса, статуса литературного чешского языка, в силу чего владение им в большинстве случаев не оказывает решающего влияния на коммуникативный статус пользователей. Нередко мы наблюдаем стремление найти контакт с партнером путем использования нелитературных языковых средств. Расширяется список ситуаций, допускающих неофициальную коммуникацию” [Гофманова, Мюллерова 1994: 13–14]. Эти наблюдения важны еще и потому, что в чешской лингвистике, подобно российской, наиболее актуально понятие литературного языка.

⁵ Одна из современных констатаций: [Comrie, Stone, Polinsky 1996].

средства массовой информации. Не все ученые разделяют полностью это мнение. Л.Э. Калнынь считает, что это несколько упрощенное представление, подчеркивая, что монологичность СМИ (даже в случае развертывания диалогов), при определенных отличиях от языка диалектоносителя, не обеспечивает полного взаимодействия и полного понимания передаваемой информации. В этих условиях трудно ожидать, чтобы соответствующий текст мог восприниматься не иначе как образец для подражания, особенно в фонетическом и грамматическом отношении. Л.Э. Калнынь привлекает и замечание Ю. Сорокина о том, что малое воздействие на слушателей радио- и телепередач "является прямым следствием того, что не учитывается специфика языкового опыта реципиента и специфика смыслообразования в рамках этого опыта; для эффективного воздействия на слушателя необходим правильный выбор знаковой системы, не противоречащей языковому опыту реципиента... и диалогичность коммуникативного процесса" [Сорокин 1985]. В наше изменившееся время компоненты этого несовпадения языковых позиций на определенных направлениях усилились, как по собственно лингвистическим, так и по экстралингвистическим причинам.

В общую картину анализа следует занести современное положение в книгоиздании. Ситуация характеризуется весьма ограниченным поступлением московской книгопродукции в регионы; она же характеризуется снятием цензуры – в которой наряду с политическим был свой стилиобразующий и унифицирующий фактор; это также активизация и "бесконтрольность" местного книгоиздания, вплоть до различных изданий в райцентрах и не только в них [к примеру, поэтический альманах "Шуя литературная" (Вып. 1. Шуя, 1994); вып. 2 (Шуя, 1996); "Волжский ветер" (Пучеж, 1992) и др.]

Еще один важный аспект современной языковой ситуации можно назвать экологическим. Имеется в виду само общественное отношение к диалекту⁶. Оно не однозначно. В современной ситуации, когда диалект самой историей загнан в угол – особенно, если видеть в нем сугубо архаическую часть – к нему появляется отношение экологическое, охранительное. Отчасти это отношение до некоторой степени эстетизованное. На этот момент накладывается большая или меньшая, но в целом просматривающаяся архаизирующая тенденция, присущая эстетике и стилистике современной эпохи как одна из ее лингвокультурных линий.

Неотъемлемый аспект современного языкового существования составляет аспект "постмодернистский" (на мой взгляд, данный термин применительно к современной России безусловен, но это уже сюжет теории литературы). Современная языковая ситуация характеризуется неоднородностью, отсутствием монолитности критериев и ориентиров. Меняется сущность и проявление таких категорий, как норма. Отношение к норме как к запрету и только запрету, отношение к ней как к неподвижному измерению и строго обязательному предписанию, превалировавшее ранее, не исчезло полностью (и не должно исчезнуть вовсе). Но наряду с тем появляется ощущение нормы как более вариантного феномена, и соответственно ее проявления как выбора, при котором на большую роль выдвигаются и претендуют факторы личного вкуса и личной ответственности, осознанности информативных и стилистических задач общения. Появляется и иное ощущение стиля – не как обязательно единого и сугубо обязательного для всех канона, но как мультикультурного явления, как стиля субкультур и факта выражения личности [Парамонов 1995; 1997]. Механизм и структура региолекта так или иначе изменяются в силу полистильности и разностильности, в силу мультиманерности современной словесности и общественного сознания, вплоть до стиливой эклектики. Это же приводит к тем или иным трансформациям и активизации материала, к возникновению новых способов его предъявления. В общественных оценках занял свое место мультикультурализм. Феномен и структура диалекта так или иначе активизируются и в силу своеобразной цитатности, аллюзив-

⁶ См. [Калнынь 1997].

ности значительной части современного сознания. Цитатность не сводится лишь к рефлексии по поводу прошлых политических аксессуаров и к репродуцированию фактов (художественной) культуры. Она имеет более широкий характер. В нашем случае это современное явление несколько отличается и от классического "использования диалектизмов в художественной литературе".

Имеет место стилистическое использование регионализмов и прочих локальных элементов. Они могут использоваться не (только) прямо номинативно, а с различными эффектами интертекстуальности. Это касается как речи местных уроженцев и жителей, так и речи сторонних по отношению к тому или иному говору людей, которые как-либо информированы о данных языковых жестах. Вспомним ранее исполнение В. Высоцким и "под Высоцкого" юмористических и сатирических песен (г-фрикативное и некоторое другое). Сравним также некоторые гипертрофированные стилизации а-ля-рюс на современной эстраде. В современной коммуникативной практике можно наблюдать, например, намеренную окающую огласовку некоторых речевых фрагментов среди интеллигенции исторически оковавших ареалов – такие огласовки производятся в связи со стилевыми и стилистическими задачами и намерениями общения⁷. Подобное можно наблюдать в других диалектных ареалах. Все это значительно расширяет регистр функционирования диалектного материала.

Современная природа региолекта и его место в структуре национального языка, национальной коммуникации определяется также его соотношением с арго и сленгом. Исторически в арго всегда присутствует материал территориальных диалектов. Ныне характерный ряд арготических и сленговых слов идет из диалектов. Таково, например, ставшее распространенным слово *стеб* (о нем как генетически диалектным в [Русск. яз... 1996]). Характеристичную сложную источниковую основу имеет терминоид *совок*, у которого наряду с его деривационной обусловленностью (дезаффикация, усечение основы) просматриваются региональные параллельные семемы предшествующего времени: *посуха* (тверск.), *совок турушинский* (шуйск.)⁸, см. также словарь Даля. С диалектным материалом связаны распространенные словечки подростковой речи и современного сленга, как-то современное *немерено*. Сленговые и арготические слова тематических групп "секс", "выливка", "обман", наиболее многочисленны в разных языках и разросшиеся в новейшем русском, в значительной части имеют соответствия не только в англо-американском койне, но и в русских диалектах. А роль арго и сленгов на современном этапе очевидна: многое из их состава закрепляется в широкой языковой практике России (в том числе на грани нормального и сомнительного вкуса).

Со своей стороны региолекты на современном этапе очень восприимчивы в отношении явлений арго, сленгов, (городского?) просторечия. По отношению к последнему региолект стал системно более близким. Вообще, по данной линии региолекты сейчас практически не отличаются от прочих разновидностей национального языка. Сравним традиционную и современную реальность региолекта [Трубинский 1989], а также синтаксические разыскания просторечия [Лаптева 1976].

Наконец, вообще, картина региолектов, их наличность в немалой степени, как и весь русский язык новейшего этапа, определяется происходящими изменениями: процессами пополнения, активизации и пассивизации элементов. С этой стороны региолект значительно уравнивается с прочими разновидностями национального языка, вообще с национальным, общенародным языком. Хотя, естественно, интенсивность каких-то процессов выше в столичном городе и прочих центрах, нежели в глубинке. Однако дело лишь в степени, да и эти возможные отличия не разительны. При этом, в современной экономико-социальной ситуации, не исключено возникновение обратных тенденций (они могут создаваться при информационной и коммуникативной разъеди-

⁷ Труды некоторых методистов 1950–60 годов, специально посвященные борьбе с диалектом в преподавании русского языка, не лишены смысла, особенно в предшествующей культурной ситуации. Сейчас этот подход не определяет всего современного пафоса лингводидактики (см. [Калынь 1997], ср. [Thüne 1987]).

⁸ О некоторых версиях возникновения [Осипова 1995]. Об этом также [Шапошников 1998].

ненности, меньшей доступности и недоступности транспорта, путей сообщений. И даже образования).

Проблема выглядит достаточно острой именно в общенациональном масштабе. Она не только в том, что диалекты изменяют свои былые позиции, что, например, они утрачивают многие признаки фонетики и морфологии или по-разному их сохраняют. Общеязыковая проблема состоит в релевантных соотношениях замены функционирующих структур. В этом плане отношения диалекта с литературным языком являются только одною из плоскостей коммуникативного механизма. Так, исследователь современного немецкого диалекта отмечает: "Диалектом пользуются при неофициальных близких устных контактах, в кругу семьи... С отказом от использования диалекта в официальной сфере общения наблюдается и утрата самой его структуры... С уходом последних компетентных носителей диалекта утратится ... вся традиционная культура, заключенная в данной системе языка" [Пириайнен 1997: 92]. При всех этих грустных перспективах, коммуникативный поток более сложен – или более прост: он не определяется лишь вектором "диалект – литературный язык". Почти хрестоматийен афоризм Л. Вайсгербера, заметившего, что, действительно, диалекты уходят, но опустевшее пространство заполняется не (только) литературным языком, а жаргонами и т.п. материалом [Weisgerber 1976]. Это в немалой степени является ключом к лингвокультурной ситуации в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурхударова Е.Л. 1995 – Чередования звуковых единиц и определение границ парадигмы фонемы // Вестник МГУ. Сер.: Филология. 1995. № 1.
- Гофманова Я., Мюлерова О. 1994 – Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке // Язык. Этнос. Культура. М., 1994.
- Калнынь Л.Э. 1997 – Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. 1997. № 3.
- Каринский Н.М. 1925 – Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края. Вятка, 1925.
- Каринский Н.М. 1936 – Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.; Л., 1936.
- Лаптева О.А. 1976 – Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Мокиенко В.М. 1997 – ВЯ. 1997. № 2. Рец.: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995.
- Осипова М.А. 1997 – "Этноним" "совок" (К постановке вопроса) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- Парамонов Б. 1995 – Постмодернизм // Независимая газета. 26 янв. 1995.
- Парамонов Б. 1997 – Конец стиля. СПб., 1997.
- Пириайнен Е. 1997 – "Область метафорического отображения" – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерландского диалекта) // ВЯ. 1997. № 4.
- Русск. яз. ... 1968 – Русский язык и советское общество. Морфология. М., 1968.
- Русск. яз. ... 1996 – Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- Сорокин Ю.А. 1985 – Психолингвистический аспект изучения текста. М., 1985.
- Трубинский В.И. 1989 – Очерки диалектного синтаксиса. Л., 1989.
- Шапошников В.Н. 1996 – Современные проблемы фонетики // РЯШ. 1996. № 6.
- Шапошников В.Н. 1997 – Число и падеж: новые явления в русском языке // РЯШ. 1997. № 7.
- Шапошников В.Н. 1998 – Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
- Comrie B., Stone G., Polinsky M. 1996 – The Russian language in the twentieth century. Oxford, 1996.
- Thüne W. 1987 – Die Heimat als soziologische und geopolitische Kategorie. Würzburg, 1987.
- Weisgerber L. 1976 – Die Leistung der Mundart im Sprachganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.